

Анастасия Швецова, Екатерина Зиброва

ДИСКУРС РОССИЙСКОГО ГОСФЕМИНИЗМА: АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ГЕНДЕРНУЮ ПОВЕСТКУ

В статье представлен анализ официальной гендерной повестки в современной России. Ключевой теоретической рамкой исследования выступает концепт «государственный феминизм», который используется исследователями общественных наук с 80-х гг. XX в. для обозначения рамочного характера политических сил в отношении гендерного равенства. Согласно этой логике, доминирующая социально-политическая модель задает формат гендерной повестки, что позволяет использовать элементы официального политического дискурса (документы, выступления и заявления высших должностных лиц и др.) в качестве источников данных для изучения реальных национальных интересов и действий, направленных на обеспечение гендерного равенства. Для анализа официальной гендерной повестки России авторами впервые введена концепция российского госфеминизма. Предполагается, что гендерное равенство, как базовый концепт, одинаково понимается и трактуется всеми участниками глобального диалога, что, конечно, не всегда так в силу культурных, социальных и политических особенностей. Россия является участницей глобальных программ по достижению гендерного баланса, однако дискурс российского госфеминизма при декларации соглашения с международными стандартами до сих пор неясен. В статистических данных фиксируются и признаются разрывы в гендерном равенстве, отчеты российских компаний демонстрируют устойчивый гендерный дисбаланс в составе персонала на руководящих позициях,

Анастасия Владимировна Швецова – к.социол.н., ст.н.с., Уральский государственный педагогический университет, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>, Екатеринбург, Россия. Электронная почта: shvetsovaav@mail.ru

Екатерина Александровна Зиброва – к.психол.н., университет Витватерсранд, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4188-7360>, Йоханнесбург, ЮАР. Электронная почта: ekaterina.zibrova.khv@gmail.com

при этом четкого понимания намерений государства в разрешении сложившейся ситуации нет. В связи с этим цель статьи – уточнить основной посыл официальной гендерной повестки в современной России. Эмпирическая часть представлена контент-анализом документов, отобранных по принципу принадлежности к ведомствам, ответственным за реализацию гендерной политики в России. Контент-анализ выполнен при использовании программного обеспечения QDA Miner. Выявлено, что особенностями российского госфеминизма являются: артикуляция гендерной повестки как саморешаемого «женского вопроса»; расфокусированное проблемное поле, что затрудняет восприятие собственно гендерной проблематики; противоречие с глобальными задачами госфеминизма по разрушению гендерных иерархий из-за апелляции к идеям натурализации. Последняя особенность является как движущей силой режима гендерной политики, так и ее результатом одновременно. Таким образом российский госфеминизм скорее основан на убеждениях о равенстве между женщинами и мужчинами, чем предпринимает усилия и конкретные действия по достижению равенства.

Ключевые слова: гендер, гендерная повестка, гендерная политика, госфеминизм, устойчивое развитие

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-275-292

Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин вошло в актуальный международный дискурс как «Цель № 5» в списке Целей устойчивого развития ООН, что фиксирует приоритетную позицию этого направления среди других направлений снижения глобального неравенства и улучшения благосостояния (ООН 2015). Этот документ помогает странам ориентировать свои действия и правильно таргетировать усилия по достижению показателей устойчивого развития. На практике это выражается в том, что доминирующая социально-политическая модель государственности задает формат официальной гендерной повестки и тех политических решений, которые из нее вытекают. Для обозначения этого феномена норвежская политикесса Хельга Хернес предложила термин «государственный феминизм», подчеркивающий рамочный характер политических сил в отношении гендерного равенства (Hernes 1987). Госфеминизм основан на ожидании того, что демократическим правительствам, чтобы быть успешными, необходимо продвигать статус и права женщин по отношению к мужчинам, но так как эти права определены в конкретных культурных контекстах, то государства должны нацеливать свои усилия на то, чтобы разрушать гендерные иерархии, которые способствуют неравенству по признаку пола (Mazur, McBride 2008).

Предполагается, что гендерное равенство, как базовый концепт, одинаково понимается и трактуется всеми участниками глобального диалога, что, конечно, не всегда так в силу культурных, социальных и политических

особенностей. Официальные государственные документы, в которых социальные группы определяются по признаку пола, могут рассматриваться как выражение реальных национальных интересов и способ организации общества. Россия является участницей глобальных программ по достижению гендерного баланса, однако дискурс российского госфеминизма при декларации соглашения с международными стандартами до сих пор неясен. Согласно первому добровольному национальному обзору хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Аналитический центр... 2020), ключевыми проблемами в достижении гендерного равенства в России, являются: разрыв в уровне дохода и разрывы в начале карьеры, когда молодые женщины подвергаются «штрафу за материнство» со стороны работодателей – ограничениям при приеме на работу и в карьерном росте в связи с возможным рождением детей. Данные Росстата (2020) демонстрируют неравенство руководителей на высших должностях (45 % женщин и 55 % мужчин) и меньший процент занятости женщин во всех отраслях экономики. В статистических данных фиксируются и признаются разрывы в гендерном равенстве, отчеты российских компаний демонстрируют устойчивый гендерный дисбаланс в составе персонала на руководящих позициях, при этом четкого понимания намерений государства в разрешении сложившейся ситуации нет. В связи с этим цель статьи – выявить основной посыл официальной гендерной повестки в современной России и сделать предположения относительно имеющихся разрывов в понимании гендерного равенства в дискурсе российского госфеминизма. Для этого мы приводим в статье основания для использования теоретической рамки госфеминизма, позволяющей исследовать, как феминизм институционализируется в государственных учреждениях различных политических систем, а также аргументируем тезис о необходимости использования концепции госфеминизма в оценке действий государства по защите интересов женщин. Далее мы анализируем развитие гендерной повестки в России и фиксируем авторское определение термина «гендерная повестка» как индикатора состояния госфеминизма. Наконец, при помощи контент-анализа, мы делаем критический анализ документов, которые фиксируют доминанты официальной гендерной повестки в современной России, и транслируют основные подходы к решению проблем женщин.

Документы отобраны по принципу принадлежности к ведомствам, ответственным за реализацию гендерной политики в России. Контент-анализ выполнен при использовании программного обеспечения QDA Miner. Основным ограничением контент-анализа как исследовательской тактики, является субъективная оценка значимости исследуемых параметров, и, как следствие, выбора индикаторов для количественного подсчета. Любой набор индикаторов и критериев не может быть исчерпывающим, его «достаточность» определяется теоретической рамкой и задачами исследования.

Теоретическая рамка государственного феминизма

Отправной точкой для понимания того, какие факторы могут способствовать гендерному равенству, является институциональный анализ феминизма в государственных органах в различных политических и экономических системах стран. Термин «государственный феминизм» является рамкой, которая подразумевает оценку намерений государства в части защиты прав женщин и обеспечения им равных с мужчинами возможностей для реализации этих прав. Этот термин прошел короткую историю от применения его в отношении к женщинам-политикам или чиновницам, занимающим руководящие должности (*state feminists*), которые продвигали политику гендерного равенства, до концептуализации в качестве теоретического инструмента для изучения характера политических сил в стране в отношении гендерного равенства (Hernes 1987; Haussman, Sauer 2007; Lovenduski 2005; Mazur 2002; Mazur, McBride 2008; Outshoorn 2004).

Термин используется разными странами в разных контекстах, что подчеркивает вариативный характер концепции госфеминизма. Важно понимать, что доминирующий подход к гендерным ролям определяется существующим в стране режимом гендерной политики одновременно и как движущей причиной, и как его результатом (Mazur 2003). Иными словами, как политика государства в отношении женщин может быть разной, зависящей от культурного и социального контекста, так и госфеминизм приобретает свои уникальные черты.

Интерес представляет анализ госфеминизма как совокупности действий государства по разрушению сложившихся гендерных иерархий, которые способствуют неравенству по признаку пола. Это делает применение теоретической рамки госфеминизма своеобразной оптикой, которая позволяет оценить, как решения государства соблюдают интересы женщин. Такой подход лишает авторов государственных документов, использующих термины «женский вопрос», «женщины», «права и возможности женщин» и так далее, их убеждений о достаточности применения любых упоминаний слова женщина в разных контекстах, чтобы утверждать, что государство заботится об интересах женщин.

Этот тезис доказывается в работе Вана Чжена «Государственный феминизм? Гендер и формирование социалистического государства в маоистском Китае» (Zheng 2005). На примере действий Шанхайской федерации женщин (*Shanghai Women's Federation*), организованной в 1949 г., автор анализирует феминистский дискурс, который долгое время являлся неотъемлемой частью модернизации Китая, тогда как госфеминизм западных стран развивался силами автономных общественно-политических феминистских движений. Противоречие государственного феминизма в Китае раскрывается в намерениях правительства развивать пронаталистскую политику в начале 1950-х гг., подражая послевоенному СССР, потерявшему

значительное количество своего населения. Однако представительницы Федерации предпочли тихо отказаться от политики партии, аргументируя тем, что призывы китайских женщин рожать противоречат реальной потребности страны в работающих женщинах при большом населении. За бездействие партия сняла с должности председательницу Федерации, на основании чего, помимо прочего, автор статьи делает выводы о постоянном балансирующем характере китайского госфеминизма между защитой прав и риском быть обвиненными партией во влиянии буржуазного запада. Взаимодействие Федерации, которая стала частью официальной политики страны и являлась единственной легитимной женской организацией, определяющей права женщин, с патриархальным и маскулинным государством, делает китайский госфеминизм парадоксальным и тем самым подтверждающим тезис о теоретической рамке госфеминизма, как инструмента критического анализа интересов государства в отношении женщин.

Другая работа, анализирующая испанский государственный феминизм с 1990-х гг. (Bustelo 2014), показывает, что государственный феминизм существует в нескольких измерениях: механизмы обеспечения равенства, отношения с феминистскими и женскими движениями, политические дискурсы и политические инструменты, при этом использование законов делает гендерную политику более эффективной. Наиболее интересный для нас вывод о роли государственных программ релевантен поднимаемой нами теме – анализу официальных документов как инструмента реализации госфеминизма. Программы и планы, наряду с описываемыми преимуществами, делающими испанский госфеминизм эффективным, как например, всесторонность, стратегический характер, внимание к координации сил, должны не только задавать импульс, но осуществлять политику равенства. Если в законодательных актах страны нет закона о равенстве, прямо нацеленного против дискриминации, то программы и планы становятся основанными на убеждении, но не на законе, который давал бы право применять санкции и наказывать, если указанные цели не выполняются. Другим важным выводом об эффективном госфеминизме является тезис об обозначении гендерного равенства как государственного приоритета, без которого действующее правительство стремится сокращать ресурсы по реализации гендерной политики, не отказываясь однако от использования гендерной повестки в каких бы то ни было целях.

Приведенные примеры показывают использование теоретической рамки госфеминизма как инструмента критического анализа совокупности действий государства в отношении интересов женщин. При этом концепция госфеминизма развивается исследователями как имеющая степени развития и заслуживающая обозначения «госфеминизм» только в случае значительного влияния на государственную политику и реализации большинства предложенных в государственных документах мер (Valiente 2007). Успех госфеминизма не может быть заранее определен оценкой

конкретных параметров, это продукт сложной комбинации ряда факторов. Однако госфеминизм разных стран, который можно назвать достигающим поставленных целей, соблюдает следующие условия: 1) режим гендерной политики отражает общественное отношение к теме гендерного равенства; 2) есть лица, принимающие решения и поддерживающие феминистскую политику, но не относящиеся к феминистскому движению; 3) есть лица, обладающие значительным политическим влиянием внутри страны, репрезентирующие государство, и относящие себя к представителям феминистского движения; 4) есть независимые лица, относящие себя к представителям феминистского движения, носящие экспертизу феминизма как совокупности знаний и практик, которые с готовностью делятся своим опытом с государством (Mazur 2003).

Гендерная политическая повестка России как индикатор развития госфеминизма

Феминистские идеи по-разному находили свое отражение в процессе трансформации российской государственности. Мы полагаем, что частая кардинальная смена идеологической основы госфеминизма стала фактором недоверия населения к декларируемым государством ценностям, что способствовало формированию разрыва в понимании целей и задач гендерного равенства. В России в XX-м в., в короткий по историческим меркам срок, произошло много событий, разрушающих культурные установки. Частота сменяемых ценностей не давала возможности создавать новые и не позволяла государству быть чувствительным к накапливаемым в обществе потребностям, чтобы регулируемо внедрять сменяющиеся установки в гендерную повестку.

Разрушение традиционного гендерного порядка царской России, основанного на консервативно-патриархальной концепции о предназначении женщины (Хасбулатова 2003), положило начало частой смене транслируемых населению культурных установок. Потеря привычных ценностных ориентиров привела к хаосу первых лет нового политического строя, который внедрял феминизм как одну из основ коммунистического режима, освобождая женщин от гендерно закрепленного бытового труда. Затем, в советский период, последовал отказ от феминизма и идей выделения отдельных уязвимых групп, последовательное наступление на индивидуальность и приватность, где женщины оказались в ситуации двойного труда (работа и быт) при равных правах на труд и доход с мужчинами. В 1990-е гг. вхождение России в международное правовое поле и развитие демократических идей о равноправии, бум свободы выражения сексуальности создали новые установки о роли женщины в обществе, ее правах и возможностях. В настоящее время роль женщины вновь переживает этап неопределенности между идентификацией себя как субъекта

глобального гендерного устройства и возвращением к традиционным (что бы это ни означало в контексте вышесказанного) ценностям. Мы наблюдаем, что дискурс российского госфеминизма не успевает органично встроиться в систему культурных ценностей и, соответственно, влиять на них, выполняя свою главную задачу – разрушение гендерных иерархий. В глобальной повестке усиливается влияние феминистских общественно-политических движений, которые меняют не только социальный, но и экономический ландшафт стран. Новый гендерный порядок описывает не только роль женщины, но и роль мужчины, их социального и межличностного взаимодействия на основе принципов гендерного равноправия, то есть на смену «женскому вопросу» приходит проблема взаимоотношения людей на основе синтеза разнообразных норм (Силласте 2019), среди которых равенство семейных обязанностей, повышение роли института отцовства, пересмотр сценариев женской профессиональной самореализации.

Гендерная повестка не может быть рассмотрена сама по себе, в отрыве от контекста развития страны, ее вектор определяется фреймом общей социальной политической повестки. Выделяя гендерную повестку как надстройку над национальной политикой в интересах различных групп, мы предлагаем понимать под термином «гендерная повестка» совокупность декларируемых ценностей в законодательных актах и документах, которые регламентируют жизненные сценарии мужчин и женщин. Гендерная повестка формирует общественное мнение или оказывает на него влияние, а также задает порядок действий в интересах определенных групп. Соблюдение баланса между базовыми составляющими повестки – декларацией ценностей и реализацией конкретных действий – создает устойчивую основу для достижения целей гендерного равенства. В России текущая официальная политическая повестка, согласно результатам исследований политологов, определяется доминированием модернизационной, технократической, мобилизационной, консервативной, попечительской, милитаристской, имперской и антикоррупционной составляющих и напрямую не включает в себя гендерную проблематику (Щеглова 2020), что делает российский госфеминизм скорее основанным на убеждениях о равенстве между женщинами и мужчинами, чем предпринимающим конкретные действия по достижению равенства.

В настоящее время цель женской повестки в любом контексте – это достижение устойчивого экономического роста, которого можно достигнуть за счет включения всех не(до)представленных групп людей. Доля женщин в трудовой занятости принесет мировой экономике по предварительным подсчетам от 50 до 60 трлн долл. (WEF 2017). Задача увеличения занятости женщин – одна из ключевых в мире. По данным отчета для Всемирного экономического форума, достичь гендерного равенства в области трудоустройства и оплаты труда при текущих в 2017 г. обстоятельствах возможно было через 217 лет (WEF 2017). Из-за пандемии коронавируса ситуация

ухудшилась во всех основных сферах жизни: образовании, экономике, политике, здравоохранении. Женщины составляют наиболее многочисленную группу пострадавших от последствий пандемии. Отчет Международной организации труда (МОТ) в 2021 г. показал, что доля женщин на рабочих местах сократилась на 4,2% (у мужчин на 3%) (МОТ 2021). МОТ и ООН призывают сокращать увеличившийся разрыв и привлекать женщин к работе на руководящих позициях в органах, где принимаются ключевые решения, поддерживая идею устойчивого развития и роли женщин в ее достижении.

Таким образом, в государственных документах, определяющих гендерную повестку, должны транслироваться цели увеличения трудовой занятости и роста женщин на лидерских позициях с одновременным предложением того, как можно преодолеть барьеры, мешающие их достижению. Помимо декларации, страновая особенность госфеминизма для России, согласно добровольному национальному обзору хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., должна выражаться озабоченностью вопросами оплаты труда и поддержки молодых женщин на ранних этапах карьеры (Аналитический центр... 2020). Так же, в рамках международного права, юридическим гарантом которого является и наша страна, предполагается, что гендерная повестка определяет направления защиты женщин от дискриминации, насилия, поддержки равного доступа к образованию, трудоустройству, способствует повышению их активности в экономических, политических и социальных процессах, в том числе посредством перераспределения ресурсов, взвешенной семейной политики, использования актуальных инструментов развития и мотивации женщин. Однако контент-анализ внутренних документов свидетельствует о наличии институциональных трудностей в решении этих проблем и запоздалом реагировании на новые вызовы.

Анализ доминант официальной гендерной повестки в современной России

Важным аспектом изучения официальной гендерной повестки, позволяющим зафиксировать имеющиеся разрывы в понимании гендерного равенства в дискурсе российского госфеминизма, является анализ документов, посредством которых государство транслирует основные подходы к решению проблем женщин. В решении этой задачи мы опираемся на методологию символического интеракционизма, что позволяет обнаружить за политическими высказываниями (в данном случае в виде документов) определенные смыслы. Государство формулирует символический посыл, содержащий информацию о том, что стоит понимать под ролью женщины и мужчины, равноправием, гендерными проблемами, а также о том, какие задачи являются приоритетными, а какие в ближайшей перспективе решаться не будут.

Отдельно стоит отметить проблематику домашнего насилия, которая безусловно является частью критической оценки госфеминизма, но в нашем случае выходит за рамки данного исследования. Это пояснение указывает на ограничения нашего исследования российского госфеминизма, поскольку количественный анализ не способен отразить противоречивый дискурсивный контекст данной темы и может исказить существующие реалии. С одной стороны, национальная стратегия действий в интересах женщин содержит некоторые положения, указывающие на обеспокоенность органов власти масштабами и многообразием форм насилия в отношении женщин. В частности, указывается, что насилие в отношении женщин выражается в таких формах, как принуждение к сожительству и проституции, изнасилование, бытовое насилие и убийство на почве алкоголизма, наркомания, садизм и психологическое насилие, а реализуемые меры профилактики недостаточны. С другой стороны, официальная статистика не отражает полной картины преступлений в отношении женщин в силу распространения патриархатной нормы мужской агрессии в отношении женщин (не принято «выносить сор из избы», высок риск быть обвиненной в провоцировании насильника), а также нормативной декриминализации семейного насилия. В феврале 2017 г. президент подписал закон, согласно которому предлагалось перевести однократные побои, нанесенные близким родственникам, из категории преступлений в административные правонарушения. Документ внес изменения в статью 116 Уголовного кодекса (УК) РФ, исключив «побои в отношении близких лиц» из числа преступлений. В качестве объяснения этого противоречия мы можем еще раз подтвердить ранее сделанный вывод о политике российского госфеминизма как преодолевающей дискриминацию женщин и основанной на убеждении о равенстве, но не на законе, который давал бы право применять санкции и наказывать, если указанные цели не выполняются.

Мы провели контент-анализ основных документов, отражающих актуальную гендерную повестку. В качестве первоисточников выступили Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. (Распоряжение Правительства РФ 2017), планы мероприятий по ее реализации (Распоряжение Правительства РФ 2018; 2019), рекомендации по формированию региональных планов и управленческих механизмов, направленных на улучшение положения женщин (Приказ Минтруда России 2019) и итоговые документы Евразийского женского форума (2015; 2018; 2021). Отобранные документы, по мнению авторов, отражают наиболее существенные аспекты для анализа гендерной повестки. Каждому документу мы присвоили код для более удобного чтения таблиц (табл.).

На основе частоты упоминания мы выделили шесть категорий, доминирующих в текстах: «глобальные проблемы», «социальная сфера», «семья и детство», «мораль и нравственность», «гендерное равенство»,

«женское лидерство». Мы считаем, что эти индикаторы необходимы и достаточны для достижения поставленной цели работы. Каждой категории поставлены в соответствие по шесть индикаторов (кодов). Например, категория «гендерное равенство» включает коды «гендер», «доступ к ресурсам», «женские организации», «равноправие», «роль женщин», «положение женщин». Подсчет производился по однокоренным словам, например к коду «равноправие» отнесены слова «равноправие» и «равноправные». Как видно из тематического поля анализа, гендерная повестка весьма неоднородна, что можно проследить на графиках частотных распределений кодов по каждой категории в соответствии с их суммарным весом (от большего к меньшему).

Таблица

Нормативная база исследования

<i>Код документа</i>	<i>Название</i>	<i>Источник, орган</i>
D1	Национальная стратегия действий в интересах женщин (2017–2022)	Официальный сайт Правительства РФ; Координационный совет при Правительстве РФ по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин
D2	План мероприятий по реализации в 2018 г. I этапа Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.	Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ
D3	План мероприятий по реализации в 2019–2022 гг. Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.	Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ
D4	Рекомендации по формированию региональных планов и управленческих механизмов, направленных на улучшение положения женщин	Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ
D5	Итоговый документ первого Евразийского женского форума (2015 г.)	Глобальная платформа Евразийского женского форума
D6	Итоговый документ второго Евразийского женского форума (2018 г.)	Глобальная платформа Евразийского женского форума
D7	Итоговый документ третьего Евразийского женского форума (2021 г.)	Глобальная платформа Евразийского женского форума

Доминирующей категорией является «семья и детство» (рис. 1 электронного приложения). Индикатор «дети» встречается в общем массиве 63 раза, «семья» – 57, «материнство» – 16, «воспитание» – 11, «репродуктивность» – 6, «Рождаемость» – 2. В целом это свидетельствует о приоритете роли матери в структуре ожидаемого женского ролевого поведения. Далее следует категория «социальная сфера» (рис. 2 электронного приложения). Индикаторы в порядке убывания: «образование» – 49, «медицина» – 35, «здоровье» – 31, «долголетие» (вкл. «пожилые люди») – 14, «инвалидность» – 12, «здоровый образ жизни» – 8. Активное использование этих терминов вполне традиционно в контексте биполярной картины мира и определении женской сферы как приватной, социальной. На третьем месте категория «гендерное равенство» (рис. 3 электронного приложения). Код «положение женщин» встречается 46 раз (наибольшее число упоминаний – в Стратегии), «женские организации» – 16, «равноправие» – 11, «роль женщин» – 8, «гендер» – 4, «доступ к ресурсам» – 3. Стоит отметить, что сам термин «гендер» практически не употребим в официальных документах. Так в Стратегии он не используется ни разу, повестка формируется в терминологии «женского вопроса». Коды категории «женское лидерство» (рис. 4 электронного приложения): «предпринимательство» – 37, «конкурентоспособность» и «женская активность» – 8, «лидерство» и «бизнес» – 7, «карьера» – 6. Последние две категории «глобальные проблемы» (рис. 5 электронного приложения) и «мораль и нравственность» (рис. 6 электронного приложения) составляют скорее фон повестки, однако стоит отметить высокую насыщенность текстов соответствующими индикаторами. Помимо выделенных кодов «экология» – 25, «безопасность и терроризм» – 12, «вооруженные конфликты» – 11, «алкоголизм и наркомания» и «пандемия» – 10, «бедность» – 3, в текстах встречаются и другие глобальные проблемы – нацизм, ксенофобия, миграция и др. «Пандемия» и родственные слова появляются соответственно в документе 2021 г., что отражает обеспокоенность усугублением гендерного неравенства в новых условиях. Моральные категории встречаются не так часто, преимущественно в итоговых документах форумов, что связано с их стилистическими особенностями: «ценности» – 11, «благотворительность» – 7, «нравственность» – 6, «традиции» – 3, «духовность» – 2, «добровольчество» – 1 (рис. 6 электронного приложения).

Таким образом, насыщенность текстов словами «дети», «семья», «материнство», «воспитание» характеризует официальную гендерную повестку как ориентированную на сохранение и поддержание традиционных женских ролей. В качестве базовой ценности отчетливо определяется материнство, что выражается и в действиях по поддержке женщин, когда основные ресурсы направлены на стимулирование женщин к рождению детей (материнский капитал, выплаты до 1,5 лет, пособия для малообеспеченных матерей). Частота упоминания слов, относящихся к социальной сфере («образование», «медицина», «здоровье» и т.д.) при непопулярности ключевых

для международного антидискриминационного законодательства «равноправие» и «распределение ресурсов» указывает на смещение акцентов в сторону биполярной картины мира и определении женской сферы как приватной и общественно-значимой одновременно. Характерной чертой является отказ от использования термина «гендер» в официальных документах (в Стратегии он не используется ни разу), что, вероятно, не случайно и несет символический посыл о фокусировке исключительно на «женском вопросе», тогда как в глобальном диалоге круг гендерной проблематики включает в себя также интересы всех гендерных меньшинств.

Таким образом, национальная гендерная повестка в России имеет следующие характеристики:

1. Расфокусированность проблемного поля. Анализ структурных единиц текстов позволяет констатировать максимальную разнородность используемых понятий. Частота употребления слов из группы кодов «глобальные проблемы» («терроризм», «экология», «вооруженные конфликты», «нацизм», «санкции» и др.) и использование штампов затрудняют восприятие собственно гендерной проблематики.
2. Эклектичный или противоречивый характер концептуальной основы. Выявленные семантические связи указывают на наличие в текстах как минимум двух разнонаправленных подходов: традиционалистского и эгалитарного. Связи типа «семья – традиции», «женщина – социальное», «женщина – забота о здоровье», «женщина – воспитание детей» свидетельствуют о традиционалистской оптике, характерными чертами которой является дифференциация гендерных ролей, разделение социальных полей на «мужские» и «женские», апелляция к природной предначертанности и особой женской миссии. Наличие связей «гендер – равноправие», «женщина – предпринимательство», апелляция к международному праву и целям ООН указывает на эгалитарную оптику, базовыми принципами которой являются перераспределение ресурсов (управленческих, финансовых, временных, образовательных и т. д.), баланс ответственности за выполнение социальных обязательств, понимание гендерных ролей как социально-культурных конструкторов. Синтез параллельных методологий не добавляет ясности и достижимости целям гендерной политики.
3. Формулирование гендерной повестки как саморешаемой. Тексты содержат минимальное количество данных для оценки реального положения женщин в стране и существующего гендерного дисбаланса. Как следствие, меры по устранению проблем сводятся к поддержке существующего порядка и носят поверхностный характер. Например, поиск гармонии является ключевым в решении вопроса совмещения семейных и трудовых обязанностей, признается «ответственность женщин по охране здоровья и воспитанию детей, защите семейных ценностей, сохранению положительного морально-нравственного

климата в обществе, развитию государственных и общественных институтов» (Евразийский женский... 2018). В Стратегии фигурирует идея об «успешном сочетании женщинами профессиональных и семейных обязанностей», констатируется ограниченность масштабов гибких форм занятости, недостаточное развитие сферы услуг по уходу за детьми дошкольного возраста и профессионального образования для женщин, выходящих из отпуска по уходу за ребенком, дискриминационное отношение работодателей к женщинам, имеющим малолетних детей. Однако предполагаемый механизм решения проблемы лежит в плоскости «признания общей ответственности женщин и мужчин за выполнение семейных обязанностей» (Распоряжение Правительства РФ 2017).

Выводы и дискуссия

Результаты анализа основных документов показывают фрагментарность текущей российской гендерной повестки. Проведенный синтез отдельных элементов подчеркнул отсутствие согласованности во внутренней страновой трактовке гендерного равенства и разнонаправленный характер действий по его достижению в национальном и глобальном контекстах. На сегодняшний день национальная гендерная повестка в России формулируется не как гендерная проблематика, а как «женский вопрос», где «женское» идет в семантической связи с семьей, детством и социальной сферой. Символический смысл высказываний типа «женская миссия», «призвание», «особая женская роль» апеллирует к идее биологического детерминизма и во многом строится на идее натурализации, то есть врожденности, природности, предзаданности характеристик, что мало способствует достижению глобальных целей гендерного равенства и вступает в противоречие с задачами госфеминизма по разрушению гендерных иерархий. Это противоречие является ключевым разрывом в понимании концепта гендерного равенства авторами российской национальной гендерной повестки.

Задача госфеминизма в России наоборот должна нести идею деконструирования социальной роли женщины, что разрушит фиксацию на традиционной субординации ролей мужчины и женщины. Это позволит осознать роль женщины как что-то изменяемое и многозначное, а значит обеспечит вхождение женщины во все ранее недоступные ей, из-за так называемой природной роли, области: профессиональные, социальные, политические, экономические. Подход, основанный на отказе от установок традиционной субординации мужского и женского в культуре разрушит неравенство по признаку пола во всех этих областях и создаст условия для достижения целей устойчивого развития страны и мира. Следующим важным шагом станет формирование целостной стратегии гендерного развития, включающей бизнес-образование, гибкую налоговую политику, экономическое стимулирование, адекватные меры поддержки материнства,

инструменты защиты от дискриминации, специализированные карьерные сервисы и бизнес-площадки.

Помимо этого, как следствие ключевого противоречия, в государственных документах, определяющих гендерную повестку, не транслируются цели увеличения трудовой занятости женщин и цели роста женщин на лидерских позициях, наоборот, усиливается роль матери и совмещение семейных и трудовых обязанностей. Российский госфеминизм не определяет специфических страновых барьеров достижения гендерного равенства, описывая глобальные проблемы, напрямую не относящиеся к разрушению гендерных иерархий. Одна из самых уязвимых областей российской гендерной повестки – определение материнства как ключевой ценности и основной роли женщины в России, вступает в явное противоречие с решением страновой, одной из двух специфически российских проблем гендерного неравенства – начало карьеры у женщин. В момент завершения профессионального образования и начала карьеры молодые женщины уходят в декретный отпуск, отодвигая цели профессионального развития на второй план, тогда как мужчины интенсивно развиваются как профессионалы, занимая лидерские позиции и увеличивая свою стоимость на рынке труда. Это служит возникновению второго специфически российского барьера гендерного равноправия – разрыв в заработной плате между мужчинами и женщинами. В российских официальных документах нет предложений по решению этих проблем, а значит разрыв, указанный в отчете России для ООН по достижению Цели устойчивого развития № 5 (гендерное равенство), будет увеличиваться.

Проблема противоречивости дискурса российского госфеминизма увеличивает риск разрыва между глобальным и национальным видением ситуации, что в конечном счете является не только фундаментальным препятствием устойчивого экономического развития, но и росту внутренней напряженности, когда общество будет оценивать действия государства как неэффективные, не гарантирующие защиты прав и интересов уязвимых групп населения. Целевое приложение усилий и ресурсов должно способствовать повышению статуса женщин и разрушению гендерных иерархий. Выявление противоречий в действующей повестке, обозначение контуров национального госфеминизма, на наш взгляд, является отправной точкой осмысленной концептуализации российской гендерной повестки и способствует поиску аргументированных предложений по развитию гендерного равенства.

Материалы для анализа

Аналитический центр при Правительстве РФ (2020) *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. Доступно по ссылке: <https://economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf> (дата обращения: 15 марта 2022).

Евразийский женский форум (2015) *Итоговый документ первого Евразийского женского форума*. Доступно по ссылке: <https://eawf.ru/upload/iblock/14e/14ef57118e01c80b6cc9bd92d882bb96.pdf> (дата обращения: 08 февраля 2022).

Евразийский женский Форум (2018) *Итоговый документ Второго Евразийского женского форума*. Доступно по ссылке: <https://eawf.ru/upload/iblock/0bb/0bb5710999f4275216cf9bdc3595f2cf.pdf> (дата обращения: 8 февраля 2022).

Евразийский женский Форум (2021) *Итоговый документ третьего Евразийского женского форума*. Доступно по ссылке: <https://eawf.ru/upload/iblock/035/0358b51aa4d3cc2dc3f5f71f2fbbel12.pdf> (дата обращения: 8 февраля 2022).

МОТ (2021) *Неравенство на рынке труда усугубляется*. Доступно по ссылке: <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1406742> (дата обращения: 12 марта 2022).

ООН (2015) *Цели в области устойчивого развития*. Доступно по ссылке: www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals (дата обращения 12 марта 2022).

Приказ Минтруда России (2019) *Об утверждении рекомендаций по формированию региональных планов и управленческих механизмов, направленных на улучшение положения женщин*. № 840 от 30.12. 2019 г.

Распоряжение Правительства РФ (2017) *Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы*. № 410-р от 08.03.2017 г.

Распоряжение Правительства РФ (2018) *План мероприятий по реализации в 2018 году I этапа Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы*. № 420-р от 14.03.2018 г.

Распоряжение Правительства РФ (2019) *План мероприятий по реализации в 2019–2022 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы*. № 2943-р от 07.12.2019 г.

Росстат (2020) *Женщины и мужчины России*. Доступно по ссылке: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BPL9rLwU/Sbornik.pdf> (дата обращения: 12 марта 2022).

The World Economic Forum (2017) *The Global Gender Gap Report*. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf (accessed 8 February 2022).

Список источников

Силласте Г. (2019) Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка. *Женщина в российском обществе*, (2): 3–16.

Хасбулатова О. (2003) Эволюция российской государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода. Н. М. Степанова, М. М. Кириченко, Е. В. Кочкина (ред.) *Гендерная реконструкция политических систем*. СПб.: ИСПГ-Алетейя: 991–998.

Щеглова Д. (2020) Официальная политическая повестка в современной России: фрейм-анализ посланий президента Федеральному собранию 2012–2019 годов. *Вестник ВГУ. Серия: история. Политология. Социология*, (2): 70–74.

Bustelo M. (2016) Three Decades of State Feminism and Gender Equality Policies in Multi-governed Spain. *Sex Roles*, 74 (3): 107–120.

- Haussman M., Sauer B. (eds.) (2007) *Gendering the State in the Age of Globalization: Women's Movements and State Feminism in Postindustrial Democracies*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Hernes H. (1987) *Welfare State and Woman Power: Essays in state feminism*. Oslo: Norw. Univ. Press.
- Lovenduski J. (2005) *Feminizing Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Mazur A. (2002) *Theorizing Feminist Policy*. Oxford: Oxford University Press.
- Mazur A. (2003) Drawing Comparative Lessons from France and Germany. *Review of Policy Research*, 20 (3): 493–524.
- Mazur A., McBride D. (2008) *State Feminism*. Cambridge University Press.
- Outshoorn J. (2004) *The Politics of Prostitution: Women's Movements, Democratic States and the Globalisation of Sex Commerce*. CUP, Cambridge, UK.
- Valiente C. (2007). Developing Countries and New Democracies Matter: An Overview of Research on State Feminism Worldwide. *Politics & Gender*, 3 (4): 530–541.
- Zheng W. (2005) 'State feminism?' Gender and Socialist State Formation in Maoist China. *Feminist Studies*, 31 (3): 519–551.

Anastasia Shvetsova Ekaterina Zibrova

THE DISCOURSE OF RUSSIAN STATE FEMINISM: AN ANALYSIS OF OFFICIAL DOCUMENTS DEFINING THE GENDER AGENDA

This article delivers an official gender agenda analysis in modern Russia. The crucial theoretical term of this study is state-feminism, which has been used by social studies since the 1980-s to designate frame characteristics of political power towards gender equality. The research is aimed to formulate a comprehensive picture of the gender policy in Russia and indicate its vulnerable zones, which obstruct the provision of efficient support to women. To reach this aim, we use the symbolic interactionism methodology. This approach reveals specific nuances beyond political statements delivered by the official documents. The empirical part of the article is a content analysis of the scope of documents, such as the Russian National Strategy of Actions towards Women for 2017 to 2022, its plans and recommendations for the formation of regional programs and administrative mechanisms aimed to better woman's status, as well as the Eurasian Woman Forum final decisions made in 2015, 2018, and 2021. Selected documents were generated by the departments in charge of the gender policy in Russia. The content analysis was made by the program QDA Miner. The key features of Russian state-feminism are the following: the formulation of the gender issue as a self-solvable 'woman problem,' which is articulated in terms of a 'woman question' not a 'gender issue' in the text; the diffused and indefinite character of the gender problem, which hinders the understanding of the agenda's gender orientation; and the conflict between Russian and global understanding of aims of the state-feminism, where the former appeals to ideas of naturalization and biological origin of woman status, and the latter calls on destroying the gender hierarchy based on opposition to biological determination.

Key words: gender, gender agenda, gender politics, state-feminism, sustainable development

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-275-292

References

Bustelo M. (2016) Three Decades of State Feminism and Gender Equality Policies in Multi-governed Spain. *Sex Roles*, 74 (3): 107–120.

Anastasia Shvetsova – Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Ural State Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>, Yekaterinburg, Russian Federation. Email: shvetsovaav@mail.ru

Ekaterina Zibrova – Cand. Sci. (Psychol.), Postdoctoral Research Fellow, the Wits Centre for Diversity Studies, University of the Witwatersrand, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4188-7360>, Johannesburg, South Africa. Email: ekaterina.zibrova.khv@gmail.com

Hausman M., Sauer B. (eds.) (2007) *Gendering the State in the Age of Globalization: Women's Movements and State Feminism in Postindustrial Democracies*. Rowman & Littlefield Publishers.

Hernes H. (1987) *Welfare State and Woman Power: Essays in state feminism*. Oslo: Norw. Univ. Press.

Khasbulatova O. (2003) Evolyutsiya rossiyskoy gosudarstvennoy politiki v otnoshenii zhen-shchin: obzor istoricheskogo opyta dorevolutsionnogo perioda [The Evolution of Russian State Policy on Women: A Review of Historical Experience Pre-Revolutionary Period]. In: N. M. Stepanova, M. M. Kirichenko, E. V. Kochkina (eds.) *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system* [Gender Reconstruction of Political Systems]. SPb.: ISPG-Aletya: 991–998.

Lovenduski J. (2005) *Feminizing Politics*. Cambridge: Polity Press.

Mazur A. (2002) *Theorizing Feminist Policy*. Oxford: Oxford University Press.

Mazur A. (2003) Drawing Comparative Lessons from France and Germany. *Review of Policy Research*, 20 (3): 493–524.

Mazur A., McBride D. (2008) *State Feminism*. Cambridge University Press.

Outshoorn J. (2004) *The Politics of Prostitution: Women's Movements, Democratic States and the Globalisation of Sex Commerce*. CUP, Cambridge, UK.

Sillaste G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka [Social Transitions and the Formation of a New Gender Order]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], (2): 3–16.

Shcheglova D. (2020) Ofitsial'naya politicheskaya povestka v sovremennoy Rossii: freym-analiz poslaniy prezidenta Federal'nomu sobraniyu 2012–2019 godov [The Official Political Agenda in Modern Russia: A Frame Analysis of the President's Messages to the Federal Assembly in 2012–2019]. *Vestnik VGU. Seriya: istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of VSU. Series: history. Political Science. Sociology], (2): 70–74.

Valiente C. (2007) Developing Countries and New Democracies Matter: An Overview of Research on State Feminism Worldwide. *Politics & Gender*, 3 (4): 530–541.

Zheng W. (2005) 'State Feminism?' Gender and Socialist State Formation in Maoist China. *Feminist Studies*, 31 (3): 519–551.